

С наступлением тепла семена, которые он разбросал по полю, начали дружно прорастать, и сладкий запах молодой травы привлёк Сяомэ, твёрдо стоявшую на пути отказа от молока. Хотя то, что она наконец готова сменить бутылочку на траву, Ся Дунли, в общем-то, радовало, но желание полакомиться именно его драгоценными ростками этого восторга поубавило. Посеянный Ся Дунли козлятник восточный — трава особая: другие кормовые культуры, скажем, всем известные люцерна, тимофеевка или королевская трава, уже на первый год идут в бурный рост, и урожай можно собирать в тот же сезон. Однако козлятник в первый год развивается мучительно медленно, пик роста приходится на второй сезон, так что каждый день, проходя мимо поля, Ся Дунли чувствовал, как у него всё внутри сжимается. Козлятник рос даже медленнее сорняков — те под солнцем гордо выпрямлялись во весь рост, всем своим видом заявляя: «Здесь моя земля», — а его нежные росточки лепились к земле, словно прося: «Дайте тут немножко постоять». Будучи новичком в сельском хозяйстве, он едва не попался на эту удочку, когда впервые взялся за прополку, и если бы не сверялся с эталонными картинками, присланными исследователями, непременно вырвал бы эти жалкие, тщедушные былинки. А раз они ещё совсем малыши, то теперь для Ся Дунли эти росточки были сокровищем — он и одним бы не поступился! Зато полевой сорняк он без зазрения совести подмешивал в кормушку Сяомэ.

Сяомэ такое положение дел категорически не устраивало, и каждый день она пыталась бунтовать.

Делать нечего — Ся Дунли пришлось привязать её. Но овца, привыкшая к свободному выпасу, стоило накинуть верёвку на шею, принималась истошно блеять. А голос у ягнят от природы мягкий, да ещё с такой душевной болью — звучало это тоскливо, жалобно и безнадежно, что сердце разрывалось. Отвяжешь — надо беречь, как бы не натворила беды с молодыми всходами, держишь на привязи — сердце кровью обливается. Вот так он и метался меж двух зол.

И тут как раз можно было поручить дело Сяо Ваню — так Ся Дунли называл своего работника Сюнь Ваня. Сначала он хотел звать его Сяо Сюнем, но Сюнь Вань сказал, что ему больше нравится иероглиф «Вань» в имени, и Ся Дунли, разумеется, не стал перечить.

Окинув взглядом фигуру товарища Сяо Ваня, а затем габариты Сяомэ, не слишком совестливый хозяин Ся всё же счёл нужным предупредить:

— Только не поворачивайся к ней спиной и не приседай на корточки — она... бодается.

Убедившись, что Сюнь Вань серьёзно кивнул, Ся Дунли призадумался, затем принёс из комнаты пакет с каштанами в сахарной глазури, сунул в микроволновку. Когда он вытащил их, оказалось, что перегрел — каштаны слишком горячие, и на ходу он несколько раз перекинул их из ладони в ладонь.

— Это каштаны, чистить нужно, внутри орешки. Горячие ещё, подожди, не ешь сразу. И много не ешь — максимум пятую часть, а то живот скрутит, — сказал он, всовывая бумажный кулёк в руки Сюнь Ваню, который всё это время не сводил с него глаз, и наглядно показал, как их чистят.

Каштаны ещё не остыли — орешки всё ещё обжигали. Едва прикоснувшись, Ся Дунли отдернул руку и поспешно выложил ядрышко на стол:

— Осторожно, горячо! Сейчас не ешь, дай ещё постоять.

Увидев, как Сюнь Вань послушно кивает, он легко подхватил корзинку и отправился на

прополку. Сегодня дел было невпроворот: после прополки нужно высадить рассаду овощей, потом почистить пруд — две черепахи уже проснулись и начали есть, а мама Ся на днях, после первой радости, вступила в фазу усталости от смены воды, и Ся Дунли чувствовал, что до переселения питомцев к нему рукой подать. Надо быть готовым.

Горячо... ли? Сюнь Вань проводил спину Ся Дунли взглядом и протянул руку, сжав блестящий чёрный каштан. Слегка надавил — и орех распался на две половинки, скорлупа прилипла к пальцам вместе с мякотью.

Температура на кончиках пальцев была самой обычной. Как человек не способен на ощупь отличить воду в двадцать пять градусов от воды в двадцать восемь, так и он не чувствовал разницы в нагреве.

Но это была та температура, которую А-Дун считал горячей, — Сюнь Вань запомнил.

Он отправил в рот каштан, который только что почистил Ся Дунли. Ему этот жар тоже не казался обжигающим, но А-Дун сказал, что такая температура непригодна для еды, и Сюнь Вань сосредоточенно нахмурился, стараясь запомнить и это.

Как раз когда он прилежно постигал науку, Сяомэ — точь-в-точь хулиган, который в любом классе непременно найдётся, чтобы мешать прилежным ученикам, — неторопливо приблизилась к чистящему каштаны Сюнь Ваню.

— Бе-е-е-е...

Что это? Дай мне один!

Сюнь Вань равнодушно глянул на неё и не удостоил ответом.

Сяомэ, которой впервые в жизни так пренебрегли, сперва опешила, а затем принялась нетерпеливо топотать копытами.

— Бе-е-е-е-е! —

На сей раз в голосе послышалась угроза.

В ответ Сюнь Вань сунул в рот только что очищенный каштан. Когда он принялся жевать, по воздуху поплыл тёплый ореховый аромат, окончательно сводя ягнёнка с ума.

Она посмотрела на этого нового двуногого, потом на своего жоака — Дами как раз стоял у пруда, наблюдая за утятами, плескавшимися в воде, и не обращал на неё внимания, — и, притворно замычав с умильной кротостью, вдруг резво скакнула вперёд и юркнула к Сюнь Ваню сбоку — она уже знала, что это место для двуногих — мёртвая зона, — а затем стремительно пригнула голову и боднула.

Боднула — и не сдвинула!

Сяомэ не поверила своим глазам, упёрлась передними копытами в землю и изо всех сил принялась напором. Но всё бесполезно — двуногий перед ней ничуть не походил на того, прежнего, лёгкого; она выложились до последнего вздоха, а он даже не шелохнулся.

Более того — он как ни в чём не бывало продолжал чистить каштаны.

— Фыр-фыр-фыр! — Сяомэ взбесилась. Она отступила на два шага, разбежалась с топотом и,

набрав скорость, с разгону врезалась головой.

У травоядных оружия не так много, но голова — одно из них. Сяомэ была козой, и к тому же мальчиком. Ещё через пару месяцев, когда отрастут рога, такой удар, нанесённый врасплох, мог бы опрокинуть даже степного волка, а при неудаче — и брюхо ему пропорола бы. Но сейчас... Сюнь Вань одним-единственным пальцем удержал её на месте.

— Не балуй, — тихо сказал он и чуть надавил кончиком пальца — тонким, белым, с гладкими округлыми ногтями нежно-розового оттенка, совершенно безобидным. Но от этого лёгкого движения Сяомэ невольно рухнула на колени.

Слегка испуганная, она подняла голову и уставилась на молодого человека, который, убрав руку, продолжал неторопливо лущить каштан, а затем перевела взгляд на прикрытую Ся Дунли калитку... Маленькие круглые вкусняшки ей, конечно, очень хотелось попробовать, но теперь тот, кто их сторожил, явно был ей не по зубам.

Ладно... пойду-ка лучше донимать того двуногого, что полегче!

Сказано — сделано. Сяомэ вскочила на ноги, отряхнулась, и, молниеносно перебирая копытами, разогналась, с глухим стуком врезалась в штакетник, оттолкнулась от него, изогнулась и одним прыжком перемахнула через полтораметровую ограду дома Ся Дунли.

— Уф-ф! — довольно фыркнула Сяомэ, мысленно посмеявшись над бедными зверюшками, оставшимися взаперти, и уже весело затрусила своими короткими ножками вперёд. Сочной, ароматной травки, я иду!

Однако она прошла немного, ещё немного, поскакала, ещё поскакала — и вдруг поняла, что топчется на месте.

— Бе-е-е-е?! — Сяомэ запаниковала. Она уже собралась бежать что есть сил, как вдруг почувствовала, что её сдавило за поясницу, и копытца оторвались от земли — её подняли!

Как ягнёнок, выросший среди людей, она была не впервой к этому внезапному ощущению парения в воздухе, но сейчас она по-настоящему испугалась — потому что её подхватили со спины. Для животного, чей угол обзора достигает почти трёхсот пятидесяти градусов, те самые последние десять градусов — самая страшная мёртвая зона, зона охоты. А тут кто-то зашёл именно оттуда — как же не запаниковать?

— Нельзя выходить, — тихо сказал двуногий, отнявший у неё еду. — А-Дун сказал, нельзя!

Сяомэ отчаянно забилась и, случайно глянув вниз, с ужасом увидела, что ноги этого двуногого парят в воздухе.

— Бе-е-е-е! Вожак! Иди скорее!! Этот двуногий — жутко странный! Он по земле не ходит — он летает!